

УДК 398.2:293.21

ПРОЯВЛЕНИЯ АРХАИЧНЫХ СЛАВЯНСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ФОЛЬКЛОРЕ

Склипис Е. В.

Автор этой статьи поставил перед собой задачу рассмотреть, выявить и обосновать происхождение, корни и историческую устойчивость таких архаичных представлений древних славян как: тотемизм, фетишизм, культы предков и природы, земледельческого культа, повлиявших на формирование культурно-национальных и этнических особенностей менталитета, морально-нравственной системы ценностей, эстетических и этических взглядов характерных только для славянского этноса.

Автор статьи постарался наглядно, на примере, показать, взяв в качестве примера с раннего детства всем знакомые сказки, откуда берут свое начало все эти национальные особенности и речевые обороты славян. Мало кто знает, что многие из них берут свое начало в глубокой древности, в палеолите и несут информацию о значимых моментах жизни людей того времени. Славянский фольклор, основанный на древних мифах, показывает представления тех времен о космогонии, строении мира, месте человека в этом мире, жизни и смерти. Сказки воспитывают и формируют первичную картину мира у современного ребенка, тем самым влияют на сознание и современного человека. Зная, в чем состоит мифологическая составляющая сказок, можно легко расшифровать тексты не только славянских сказок, но и сказок других народов и понять, в чем состоит истинный смысл зашифрованных в них знаний. В наше время стремительного развития науки и техники, мифологическое мышление и архаичные представления не исчезли, а органически вписались в сознание, поведение современного человека и гармонично сосуществуют одновременно с другими, более развитыми религиями и атеизмом, образуя порой очень причудливую систему двоеверия, суеверия и примет. Мифологическое мышление есть древнейший и наиболее универсальный сохранившийся способ мышления, совершенно не противоречащий типу современного сознания и уровню знаний, а современные мифы продолжают сопровождать жизнь современного человека во всех сферах жизни, от политики до повседневной жизни и науки. Актуальность подобного исследования не исчерпана и по сей день, несмотря на то, что изучение древнеславянской мифологии началось еще в 18 веке.

Ключевые слова: сказка, славянский фольклор, архаичные верования.

На пути к современному обществу Россия пережила множество событий геополитического, социального, религиозного, этнического характера но, не смотря на это мифологические представления славян не только не исчезли, а наоборот, находят своих новых почитателей. Исследования устойчивости архаичных верований славян актуальны, т.к. вносят ясность в вопрос понимания происхождения подобной устойчивости. Поэтому автором была поставлена задача рассмотреть и обосновать проявление древних представлений на формирование мировоззрения славян, выявить способы и степень проникновения и сохранения этих мифологических представлений. Мировоззрение и религиозные представления у славян начали формироваться в очень отдаленные времена [11, с.54], а этнографы и историки свидетельствуют о множестве фактов языческих пережитков дошедших до наших дней [11, с.2]. Мифологическое сознание не исчезло и проявляет себя и сейчас, так как человеку свойственно объяснять неизвестное через призму понятного и известного, меняя только способы объяснения и составляющие. В современном мире мифы присутствуют во всех сферах, от политики до повседневной жизни и науки, что выражается в периодической смене теорий и гипотез. Исходя из того, что мифологизация есть древнейший и универсальный способ мышления, сохранившийся и не противоречащий современному сознанию, актуальность работы состоит в том, чтобы уметь выявить эту мифологическую составляющую. Архаичные формы сознания нашли свое отражение в фольклорном творчестве, а сказка есть один из его жанров. И хотя сказка, в отличие от мифа, не имеет сакрального смысла, она все же содержит первичные представления, помогающие в формировании картины мира у человека [11, с.5]. Славянский фольклор, основанный на древних мифах, позволяет выявить древнейшие представления о космогонии, мире, жизни и смерти. Сказочные мотивы, персонажи и их действия, не являясь прямым указанием на обряды или верования, имеют важность в качестве источников возникновения этих образов, традиций и норм социального поведения, прочно укоренившихся в сознании современного человека, и это может дать ответы на многие интересующие нас вопросы. Важность сказок как источника изучения явлений культуры, влиявших не только на сознание древнего человека, но и на сознание современного человека, было обосновано такими учеными как: В. И. Даль [5], А.Н. Афанасьев [3], В.Я. Пропп [10], Б.А. Рыбаков [11], С. Н. Азбелов, А. Л, Топорков. Важность и актуальность исследования славянской мифологии в сравнительно-фольклорном аспекте не исчерпана и по сей день, несмотря на то, что научное изучение фольклора началось еще в 18 в., а как наука фольклористика сложилась в 30х-40х гг. 19 в.

Сказки есть творчество, в котором отчетливо прослеживаются архаичные представления древних славян. Зная мифологию славян, можно легко расшифровать непонятный на первый взгляд текст сказок. В качестве примера возьмем несколько наиболее популярных сказок, которые читают детям в самом раннем детстве. О чем на самом деле сказка казалось бы простенькая «Курочка Ряба» [3, выпуск 4, с. 87-88]? Бессмысленные, на первый взгляд, действия деда и бабки (пара людей, но старая, как символ исчерпанной человеческой жизни), пытающихся безуспешно

разбить золотое яйцо [3, выпуск 1, с.179]. Яйцо – символ строения мира, а золото – символ вечности, нетленности и смерти. Удастся это мышке (медиаторному существу), после чего наступает в полном варианте сказки драматичный хаос и катастрофа. Баба с дедом плачут, поповны разбили ведра, поломали коромысла, попадья разлила тесто, а священник отрезает косу, рвет книги и сжигает церковь. Рисуеться картина полного хаоса и разрушения. Мир приходит в норму только тогда, когда Курочка Ряба обещает снести простое яичко (жизнь в чистом виде), чем вызывает всеобщую радость. Существует и другой вариант трактовки этой сказки. В нем золотое яйцо – это отголосок «застывший золотого» века. Мышь, хтоническое существо, связанное с землёй, посланник нижнего мира, воплощающий в себе идею всего тёмного, одновременно, и разрушает мир и дает толчок для его новой эволюции. Так, в сказке выглядит картина смены миров: наступает конец времен, абсолютная энтропия, уничтожение мира, но хаос не может длиться вечно и наступает новый цикл, «простой» — так называется он в сказке. Таким образом, это текст о жизни и смерти, а сама сказка восходит к первичным космогоническим мифам о сотворении Вселенной. В мифологической логике в моменте появления из неживого (яйцо мыслилось не живым) появление живого не было противоречия и перекликается с современными теориями возникновения жизни [3, вып. 4, с. 87].

В сказке «Морозко» [3, вып. 4, с. 123-129], одной из древнейших сказок, прослеживается обряд женской инициации [11, с. 26]. Присутствуют все атрибуты этого действия: сани, удаленная изба, мышка, каша – ритуальная пища жизни (кутья). Кутья – это пища мертвых, ее необходимо съесть, что бы переродиться, поэтому символически мертвая девушка ест ее сама и делится с мышкой (посланником нижнего мира), чтобы заручиться ее поддержкой. На первый взгляд кажется полное отсутствие логики и страшная мотивация, безвольный отец по капризу мачехи увозит дочь в лес, в далекую избушку и бросает там. Дело в том, что образ мачехи появляется гораздо позже, первоначально отец добровольно увозит дочь (возможно по решению женщин). В матриархате мачехи как таковой не могло быть, появляется она в патриархате, с возникновением собственности. Меняется мотивация с изменением социального строя и уходом в прошлое обряда инициации, появляется приданное, возможность престижного брака. И девушка делиться ритуальной кашей с мышкой – медиатором (живущей сразу в двух мирах) не потому, что она добрая, а потому, что она посвященная и знает как себя вести. Медведь тут выступает как тотемный зооморфный предок, предлагающий не просто игру в «жмурки» («жмурик» – мертвец), а проводящий обряд инициации связанный с ритуальной смертью. Т. о. «жмурки» это ритуальная игра в смерть, а ритуал есть имитация представлений о жизни и смерти. Медведь это тотемный предок, который через ритуальную игру в смерть проводит обряд «приема в люди». Дети до сих пор в точности воспроизводят это действие, потерявшее свой сакральный смысл. Глаза обязательно завязаны, т.к. смерть слепа. Баба Яга и Кащей ориентируются по запаху: «Фу, фу, русским духом пахнет», т.е. живым человеком [3, вып. 1, с. 112]. Дочь старика не проявляет страха, «играет со смертью», с помощью мышки «обыгрывает» медведя и переходит во взрослую жизнь, получая все права и привилегии взрослой жизни. Дочь мачехи (персонаж более позднего

варианта сказки), нарушает правила и не проходит испытания. Подобные сказки есть почти у всех народов мира. К слову сказать, о ритуальной пище и посвящении, в Папуа Новой Гвинее до сих молодым девушкам дают есть жир мертвого мужчины – хорошего семьянина.

В сказке «Крошечка-Хаврошечка» [9, с. 6], [3, вып. 4, с. 270] тотемом выступает корова (что характерно для многих индоевропейских народов) и подсказывает правильное поведение: «Мяса моего не ешь, кости мои собери и закопай, из них вырастит дерево» (строгое соблюдение табу). Есть широко распространенный цикл сказок о рождении богатыря, прямо связанный с архаическими тотемическими представлениями. Наиболее распространенные варианты: сын собаки (возможно ранее волк), сын лошади, сын (дочь) коровы. Происхождение этих сказок по мнению этнографов, можно отнести к эпохе неолита [11]. Еще одна сказка «Медведь на липовой ноге» [3, вып. 3, с. 144] показывает полное нарушения правила (табу), за что были наказаны дед и бабка. Старик отрубленную лапу медведя отдает бабке, которая использует ее в хозяйстве: варит лапу, прядет шерсть, растягивает и сушит кожу. Люди наказаны за то, что уничтожив лапу, убили тотемного первопредка [11], после чего приходит рассерженное его зооморфное воплощение и следует наказание [3, вып. 4, с. 54]. Отсюда берет свое начало такая примета, что жених с «мохнатыми» руками будет хороший кормилец, т. к. подобен тотему. А сушенную медвежью лапу использовали как самый «действенный» оберег в хозяйстве (19 век). Продавали ее за очень большие деньги, вся медвежья туша стоила меньше лапы. Из нее делали оберег, который прибавали над входом на скотном дворе, и она должна была обеспечить здоровье, благополучие, плодовитость скота. С этим этнографы связывают происхождение поговорки: «У него есть мохнатая лапа», т.е. у него есть высший покровитель. Негативный оттенок поговорка приобрела уже позже [11, с. 66-67]. Позже, медведь стал земным воплощением Велеса, согласно теории «основного мифа» (теории в области «индоевропейской мифологии», ее суть в основном сюжете – это борьба Громовержца (Перуна) со хтоническим чудовищем, змеем, Велесом. Теория была создана В. Н. Топоровым. Город Ярославль по позднему преданию (впервые записанному в 1781 году) был основан в 1010 году на месте храма Медвежий Угол, который был посвящен Велесу, и в котором волхвы содержали священного медведя. «Сему же многоказненному идолу и керметь (капище) створена бысть и волховдан, а сей неугасимый огонь Волосу держа и жертвенная ему кури» [7]. Князь Ярослав Мудрый, правивший в Ростове, убил медведя и разогнал волхвов. Имя Велеса имеет ещё один семантический оттенок, связанный с культом мертвых, предков, душ умерших. На это указал ещё А. Н. Веселовский, приведя ряд балтийских параллелей (welis – литовск. – покойник, welci – души умерших). Помимо этого, крайне важно учесть отмеченное Ивановым и Топоровым значение корня «Vel» в значении «мертвый»; «wael» (древнеанглийск.) – «оставшийся на поле боя, труп». Однако, несмотря на связь Велеса с миром мертвых, не стоит Его демонизировать, как это делают некоторые исследователи. Велес выступает скорее проводником душ между мирами, выступает в роли великого духовного Учителя, в роли великого Водчего душ.

У наших предков, как и у многих народов, бытовало множество преданий о браке или половой связи женщины с медведем, мужчины с медведицей, и произведении ими потомства. Подспудно брачный сюжет присутствует в сказках «Три медведя» [3] или «Маша и медведь» [3], более прозрачно представлен в сюжете «Ивашка Медвежье Ушко» [11, с. 63-64], где от подобного союза родился великий богатырь. Вплоть до XX в. в глухих деревнях для достижения милости «хозяина леса» (например, чтобы защитить скот), в лес отводили и привязывали к дереву красивую девушку в качестве невесты для него, т. н. «медвежья свадьба». «В 1925 г. в Олонецкой губернии произошел такой случай. В одну из деревень повадился ходить медведь, который загрызал скот. По совету стариков, "чтобы медведя ублажить", жители решили сделать "медвежью свадьбу", "девкой отделаться" - отдать медведю девушку "на совесть... КАК В СТАРЬ ДЕДЫ ДЕЛАЛИ... самую раскрасавицу". По жребию выбрали девушку, одели в наряд невесты и, несмотря на ее сопротивление, отвели в лес к медвежьему логову, где привязали к дереву: "Не осуди, Настюшка. Ублажай медведюшек. Заступись за нас, кормилица, не дай лютой смертью изойти ".» [6].

В северных губерниях, свекровь видя невесту, громко кричала: «Вот, смотрите, медведицу ведут».

Цикл сказок об Иване и Кощее, по сути, есть пример мужской инициации. Кощей, отнимая невесту, обрекает юношу на «детскую» жизнь. Убить Кощея можно, сломав иглу (игла, веретено, клубок, гребень – есть предметы сказочной атрибутики [3, вып. 1, с.117]). Смерть Кощея дает возможность молодому претенденту доказать, что он достоин занять свое место во взрослой жизни со всеми ее правами и привилегиями. Отрок – это подросток еще без права голоса, еще не человек. Одновременно тут видны отголоски того времени, когда царь исполнял роль жреца (правитель мог излечивать от болезней, благословлять и поддерживать гармонию мира) и был сменным. Старый царь должен быть убит новым, об этом говорил Фрезер в «Золотой ветви» [12, с. 14-15; с. 193-198]. Пропп писал: "Очевидно, брачный возраст детей, создание нового поколения показывает, что старому поколению пора уйти, уступить место новому" [8, с. 114]. Отсюда вытекает очень знакомый мотив – пришелец, Иван-дурачок, разгадывающий сложные загадки или показывающий свою силу и удаль, «доказывающий свою пригодность» занять место этого царя-жреца.

Во всех вариантах сказок Иван обязательно проходит инициацию, которую проводит Баба Яга, одновременно выступая как помощница, дарительница и проводница в потусторонний мир. Она не только слепая, у нее еще и преувеличенные признаки пола, костяная нога и ярко выраженная симметрия (тоже знак смерти).

Невесту Иван обязательно ищет «за тридевять земель» (это отражение обычая искать пару вне своего рода, фратрии [3, вып. 1, с. 43-47]).

В сказках, языке и детских играх кроме тотемизма прослеживаются черты фетишизма и культа предков. Сказка «Аленушка» [3] запечатлела культ предков. Куколка, подаренная матерью, после смерти последней, помогает сироте справиться с непосильными задачами. Куколку обязательно нужно было кормить, т. к. в ней

жила душа умершей матери. Похожие мотивы легко прослеживаются в разной степени почти у всех народов [3, вып. 1, с.115-116]. Вспомним детскую игру «салочки». Смысл ее, приложить открытую ладонь к стене, «припечатать» себя и успеть сказать: «Чур меня». Игра восходит к глубокой древности, культу предков и печи в качестве основного фетиша. Смысл ритуала был, приложив руки к печи, сказав: «Чур меня», приобщиться к предкам, заручиться их поддержкой. Славяне считали, что предки, живущие в печи, в ответ тоже протягивали свои руки навстречу. Истоки подобных представлений берут свое начало в палеолите, где умерших хоронили под стенами и порогом, поэтому стены и порог (позднее печь) были сосредоточием душ предков. Русская печь воспринималась как прообраз женского лона. Распространен сюжет в сказках рождения младенца из печи, который растет не по дням, а по часам, который и есть переродившийся предок. Смерть и рождение связаны через печь, где живут мертвые и питаются запахом свежего хлеба. Печь являлась моделью пещеры (позднее центра дома и центра мира), в центре которой горит огонь. Выражение «Плясать от печки» означает начинать ритуальный танец от центра мира. Под печью в архаичные времена хоронили в выемках печи пепел (кости) умерших в урнах, замуровывали в нижней части печи, до 19 в. в некоторых губерниях выкидыши и послед «хоронили» в голбеце, под печью. Осмысливая печь как тело, разным ее частям давали такие названия: чело, устье, хайло, плечи. Печь выступает как основной фетиш. В сказке «Гуси-лебеди» [3, вып. 6, с. 118] печь еще и антропоморфное сакральное существо, полное готовой ритуальной еды, сродни матери (печка-матушка), «прячущей» в своем чреве и перерождающей («перепекающей»). Тут прослеживаются два мотива: инициация и «исправление, перепекание» больного ребенка, широко отраженного не только в русских сказках. В славянских сказках в печь сажает Баба Яга, в европейских сказках злая ведьма [3, вып. 1, с.189-294]. Каша, ржаной кисель – это поминальная трапеза, т.к. девочка идет в мир мертвых к своим предкам. У Н. Гоголя («Вий») казаки, несшие гроб с панночкой, после все совершают очистительный ритуал, прикладывая руки к печи [4, с.24]. Можно еще сказать, что антропоморфизация печи, свидетельствует об ее отождествлении с вселенной, где труба есть верхний мир, тело – средний (мир людей), а голбец выступет как нижний мир и оформляется как могила.

Рассмотрим свадебные обряды. Само название «невеста» происходит от «неведомая», «чужая». Обычай переносить невесту через порог берет свое начало в той же мифологичной архаичности и связан с тем, невеста из «другого» мира. Стать полноправным членом «этого» мира, она могла после соблюдения ритуалов так же связанных с печью. Свекровь давала невесте петуха, которого она должна была сжечь в печи, принеся жертву предкам. Т.к. жертву невестка получала из рук матери мужа – символизировало принятие «мертвой» невестки в род и ее «воскрешение» в новой семье. (Поэтому на Руси провожая невесту, плакали – она символически умирала). Современная традиция кормить родственников лапшой из петуха берет свое начало именно оттуда. У белорусов молодая, переступив, должна сразу бросить свой пояс на печь, а у южных славян – заглянуть в дымоход и поцеловать печь, перевошив угли и оставить как подношение мелкие монеты. Первую ночь в

новом доме женщина должна была провести именно на печи. Так молодую жену «вводили» в род мужа. Если в момент сватовства девушка ковыряла печь, то это был сигнал, что она согласна уйти из дома (разрушает очаг), довольна сватовством. Новорожденного повитуха обносила вокруг печи и прикасалась его ножками или ручками к печи.

Затронем погребальные обряды. Смерть виделась как дорога в загробный мир, а омовение, обряжение покойного и другие действия по подготовке его к похоронам были сборы в эту дальнюю дорогу. Омовение имело не только гигиеническую цепь, но и рассматривалось как очистительный обряд. Как отголосок древности в современной жизни, на поминках никогда на столах не будет вилок и ножей, потому что душа не только присутствует на поминках, но и «заглядывает» через плечо и ее можно случайно поранить ножом или вилок. До сих пор устойчиво сохраняется такая деталь похоронного ритуала: сразу после смерти к иконам (на окно) ставят стакан воды, накрытый куском хлеба. На поминальном обеде так же образом оставляют рюмку водки, накрытую куском хлеба, и иногда этот символический прибор ставится у символического места покойного за столом. Наиболее типичное объяснение этого - «душа находится до шести недель дома». Истоки подобного обычая вероятно такие: это присущая всем древним верованиям жертва пищей. На могиле оставляют стакан с водой и хлебом, предметы, любимые покойником при жизни. Сохранилось поверье, что раньше двенадцати часов и позже захода солнца выносить покойного из дому нельзя. Очень многие народные обряды, связанные с выносом тела и проводами на кладбище, несут на себе отпечаток языческой предохранительной магии. Известна масса обычаев, которые должны предотвратить возвращение покойного домой. Например, «замещение места» покойного. На стол, стулья, на которых в доме стоял гроб, после выноса покойного садятся, а затем эту мебель на некоторое время переворачивают вверх ножками. Смысл этого обряда тот же, что и способ выноса гроба, это препятствовать возвращению покойника. Был и такой обычай; кто-то из родственников трижды обходил вокруг гроба с топором в руках, держа его лезвием вперед, при последнем обходе бил обухом по гробу. А иногда при выносе покойника клали топор на порог. Археологические материалы свидетельствуют о том, что суеверное отношение к топорам уходит в глубокую древность. У древних славян топор был символом Перуна и связывался с громом и молнией, а следовательно это амулет, оберег от злых и вредоносных для человека духов. До 20 в. сани (телегу), на которых везли гроб, переворачивали на 40 дней вверх полозьями, или сжигали. Иногда, в могилу бросают мелкие деньги, чтобы покойный смог выкупить свою могилу либо же для уплаты при переправе через реку, которая отделяет наш мир от мира мертвых. На поминках обязательно должны быть кутья, блины, водка сейчас, но ранее это был кисель и брага (пиво) и другие угощения, но без излишеств. Кутью в разных местностях готовили по-разному из зерен пшеницы, сваренных в меду, из разваренного риса с сахаром и изюмом. В качестве поминального блюда употреблялась и каша (ячневая, пшенная), с которой у русских было связано представление об особой силе, заключавшейся в ней. подача блюд строго регламентировалась. По последовательности блюд поминальная трапеза носила форму обеда. На первое похлебка, щи, лапша, суп, на

второе каша, а в качестве закуски рыба, студень, также к столу подавались овсяный или ржаной кисель и мед. Остатки пищи необходимо оставить на могиле, чтобы ими полакомились птицы. Последних ассоциировали с душами умерших ранее людей. До сих пор можно встретить могилы, посыпанные зерном для птиц-душ. В. Мономах в своем «Поучении» говорил: « Князья, уподобьтесь птицам, прилетающим из ирея. Эти птицы – души мертвых» [8]. До сих пор сохраняется и легко объяснимый обычай класть в гроб вещи, которые могут якобы пригодиться умершему на том свете, корни его совершенно очевидно уходят в языческие времена. При посещении могил на Троицу, Пасху, совместная трапеза с умершими, восходит к языческому жертвоприношению. На могилах оставляют «подношения» в виде нескольких крашенных яиц, кулича, яблок, конфет или раскрошенной кулича (зерна), очищенные яйца; или на столике у могилы пшено, несколько штук печенья. Иногда оставляют на могиле стаканчик спиртного «для покойника». Или же, если семья устраивает на кладбище импровизированную трапезу, стаканчик водки выливается на могилу. Примечательно, что матери не должны были плакать по умершим детям. В народных религиозных рассказах наглядно рисовалась печальная участь на том свете умерших детей, «заплаканных» матерями: умершие дети изображались в тяжелых от материнских слез одеждах, или сидящими в болоте, или носящими в тяжелых ведрах проливаемые матерью слезы.

В современном разговорном языке корень «печ» имеет масса слов, которыми мы широко пользуемся до сих пор. Отсюда, в русском языке берут начало такие слова, как: печаль, печься, упечь, опека, попечение, беспечный, обеспечивать [5]. В польском, чешском, лужицком, болгарском, сербо-хорватском, так же есть масса слов с корнем «печ» и похожим смыслом. Например: сербо-хорватское «печен» бывалый; «пека» баловень, избалованный ребенок; польский – «свежеспеченный» новый (и в русском тоже); польск. «печенец» прихлебатель. Русск. «опека», польск. «пича», чешск. «пиче» обознач. защита, воспитание, забота. Русск. «попечение, печься», чешский «печёлестность» старательный. Русск. беспечность, польское «беспичность», чешское «беспечность» выражают стремление освободить от заботы о самих себе, обеспечить безопасность. Беспечность по Далю это не заботливый, нерадивый, равнодушный, а обеспечивать это давать. Органы безопасности в польском и чешском языках – органы «беспеки» (безопасности). Можно еще вспомнить ставшее жаргонным «спекся». Упечь – насильно отправить в далекое путешествие, неудобное место, мыслимое, как другой мир. Первоначальный смысл – удалить под печь, т.е. к предкам, похоронить. Лишение связи с родом было равносильно смерти и равнялось долгому пребыванию в чужих краях (тридесятое царство). Согласно Далю слово «печаль» обозначало заботу, опеку, психологическое чувство грусти об утраченном общении с умершим (ушедшим) [5]. В архаическом сознании пространственная разлука с живым и разлука с мертвым (пространственно-временная) воспринимались в синкретическом единстве как встреча-разлука. Слова «печа, опека» имели первоначальный смысл как забота о пище, пропитании. Даль приводит несколько поговорок: «Не моя печка, что есть неча». Или «сеем рожь, а греча не наша печка» [5]. Т.о. под печь упекают, через печь опекают, от печи рождают. Печь воспринималась одновременно как пещера,

женское лоно. Дом был прообразом мира, где печь – центр этого мира. Потолок – небо, печь – средний мир, подпол – нижний мир.

Широко распространенный у многих индоевропейских народов очистительный обряд огнем показан в сказке о Снегурочке [3]. Ритуальный прыжок через огонь отправляет девушку из «этого» мира в свой, «другой» мир. Детский хоровод вокруг елки – в древности символизировал модель мира. Дерево было прообразом мира, у каждого народа свое (это тот-же майский шест), хоровод символизировал мир людей. До сих пор в современной повседневной одежде широко распространены знаки, символизирующие плодородие, засеянное поле, в виде ромбов с точками (шишечками) [6, с. 28] и различные вариации кос и косичек, как символ спасения женщиной мужчины из потустороннего мира на своих волосах (Василиса Микулишна). Подобный сюжет встречается у всех народов, от греков до якутов. Вережка, клубок, нить – есть вторичный прообраз косы [2].

Этно-лингвистический, сравнительный и аналитический подходы позволили сделать следующие выводы: тексты сказок, их персонажи и действия, языковые и культурные традиции как способ передачи мифологической информации, глубоко укоренились в сознании, поведении не только архаичного, но и современного человека. В сказках отражены такие первобытные верования как: тотемизм, фетишизм, культ предков, культ природы, земледельческий культ, а сама сказка имеет одновременно жизненные и мифические корни. Архаичные представления проявляются в менталитете, характере, эстетических взглядах славян, влияют на все социальные сферы, формирующие национальное самосознание, эстетические, экологические, морально-нравственные системы ценностей и духовно-культурной ориентации, находят свое выражение в музыкальных, литературных, художественных произведениях, в философии. Являясь моделью древнего искусства, сказки, как устное народное творчество развивались, соединяя древнейшие и более поздние представления, но архаичные представления славян исторически устойчивы и в современном обществе.

Список литературы:

1. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. Репринт: М.: Индрик, 2003 – 428с.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М., 1865-1869. Т. 1-3. Репринт: М., 1994.
3. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Полное издание. – Москва: Альфа-Книга, 2010 – 1087 с. ; Вып. 1. – 396 с. ; Вып. 3. – 148 с. ; Вып. 4. – 180 с. ; Вып. 5. – 260 с.
4. Гоголь Н.В. Вий. – АСТ Москва, Транзиткнига, 2006. – 448 с.
5. Даль В. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс] / В. Даль. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/dal/p/pecha.html>
6. Кривошеев Ю. В. Религия восточных славян накануне крещения Руси. – Л.: Знание, 1988. – 32 с.
7. Лебедев А.Н. Храмы Власьевского прихода. Сказание о построении града Ярославля [Электронный ресурс] / А.Н. Лебедев – Режим доступа: <http://www.istorija-yar.okis.ru/skazanie.html>

8. Мономах В. Поучение детям [Электронный ресурс] / В. Мономах. – Режим доступа: <http://www.old-ru.ru/02-1.html>
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
10. Пропп В.Я. Морфология сказки. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.
11. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 608с.
12. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М. К. Рыклина. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. — 528 с.

Sklipis E.V. Manifestations of Archaic Mythological Notions of Slavic Folklore // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 2. – P. 103-113.

The author of this article aimed to examine, identify and justify the origin of the roots and the historical stability of such archaic notions of the ancient Slavs as totemism, fetishism, the worship of ancestors and nature, agricultural cult that influenced the of formation of national cultural and ethnic mentality, moral of the moral system of values, aesthetic and ethical views unique to the Slavic ethnic group.

The author tries to visualize the example to show all the above features and locations of the Slave the way its origins taking as an tales example all the familiar from early childhood. Few people know that many of them have their origins in antiquity, in the Paleolithic and carry information about the important moments of peoples lives of that time. Slavic folklore, based on myths, shows the time of submission of the cosmogony, the structure of the world, human's place in the world, life and death. Tales educate and form the primary view of the world of a child, thus they affect on the mind and modern man. Knowing what is the mythological element of fairy tales, you can easily decipher the text, not only Slavic fairy tales, but tales of other people and to understand what is the true meaning encoded in their knowledge. In our time mythological thinking and the archaic representations have not disappeared, and organically fit into the consciousness and behavior of man and harmoniously coexist with other, developed religions, sometimes forming very bizarre system of dual faith, superstition and omens. Mythological thinking is the oldest preserved and versatile way of thinking, it is not contrary to the type of modern consciousness and the level of knowledge and modern myths continue to accompany the life of modern man in all spheres of life. The keywords: fairy tale, Slavic folklore, archaic notions.

References

1. Anichkov E. V. Paganism and the ancient Rus. – Petersburg.: Type. M. M. Stasyulevich, 1914. Reprint: M.: Indrikis, 2003 – 428 p.
2. Afanasyev A.N. Poetic Views on the Nature of the Slavs: the Experience of a Comparative Study of the Slavic Traditions and Beliefs in Connection with Mythical Tales of Other Kindred Peoples. – M., 1865-1869. – Vol.1-3. – Reprint T. M., 1994.
3. Afanasiev A. N. Traditional Russian fairy tales. Complete Edition. – Moscow.: Alpha Book, 2010 – 1087 p. ; Issue 1. – 396 p. ; Issue 3. – 148 p. ; Issue 4. – 180 p. ; Issue 5. – 260 p.
4. Gogol N.V. Vij. – AST Moscow, Tranzitkniga 2006. – 448 p.
5. Dahl V. Explanatory Dictionary Dal [Electronic scourse] / V. Dahl – Access mode: <http://www.onlinedics.ru/slovar/dal/p/pecha.html>
6. Krivosheev V. Religion Eastern Slavs on the eve of the baptism of Rus. L. : Knowledge, 1988. – 32 p.
7. Lebedev A.N. Temples Vlashevsky parish in Yaroslavl. Legend of the construction of the city of Yaroslavl [Electronic scourse] / A.N. Lebedev. – Access mode: <http://www.istorija-yar.okis.ru/skazanie.html>
8. Vladimir Monomakh. Lection for children [Electronic scourse] / Vladimir Monomakh. – Access mode: <http://www.old-ru.ru/02-1.html>

9. Propp V.Y. The historical roots of the fairy tale. – L.: Leningrad State University, 1986. – 364 p.
10. Propp V.Y. The morphology of the fairy tale. – A.: Academia, 1928. – 152 p.
11. Rybakov B.A. Paganism ancient slavyan. – M.: Science, 1981. - 608
12. Fraser D.D. The Golden Bough: A study of magic and religion: In 2 t. T. 1: Ch. I-XXXIX / Trans. from English. M. Ryklin. – M.: TERRA Book Club, 2001. 528